

Г Л А В А XII.

Гроховская битва.

Сборъ дѣйствующей арміи.—Приготовленія полка къ военнымъ дѣйствіямъ.—Выступленіе изъ Свислочи.—Походъ.—Революціонная Варшава.—Военныя силы и духъ поляковъ.—Настроеніе поселянъ.—Тщетныя попытки къ возбужденію мятежа въ рядахъ русской арміи.—Движеніе на лѣвый берегъ Буга и далѣе къ Грохову.—Гроховская позиція русскихъ.—Молебенъ 13-го февраля.—Тревога.—Неожиданная битва.—Бой за ольховую рощу.—Наступательное движеніе русской кавалеріи.—Мѣстныя препятствія.—Массивныя колонны къ атакѣ.—Всадникъ безъ головы.—Огонь противъ нашихъ уланъ.—Роль нашего полка въ общей атакѣ.—Графъ Толь лично ведетъ уланъ Цесаревича.—Аттакъ 1-го дивизіона на три каре «пѣхоты».—Достойное поведеніе нашихъ офицеровъ.—Аттакъ 2-го дивизіона противъ польской батареи.—Предательская канавка.—Возвращеніе Мейендорфа.—Дальнѣйшее наступленіе уланъ Цесаревича.—Конецъ битвы.—Потери нашего полка.—Награды.—Знаменательный день полковаго праздника.

1-го (13-го) декабря, въ виду ежедневныхъ извѣстій о возрастаніи мятежа и его силъ, Государь Императоръ рѣшилъ сформировать особую армію, въ составѣ трехъ пѣхотныхъ и двухъ кавалерійскихъ корпусовъ, подъ начальствомъ графа Дибича, который еще такъ недавно покрылъ себя славою побѣдителя Турокъ и удостоился титула графа Забалканскаго. Сверхъ означенныхъ войскъ, къ этой же арміи долженъ былъ присоединиться еще и гвардейскій корпусъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ сосѣдственныя Польшѣ сѣверо-юго-западныя губерніи съ Бѣлостокскою областію объявлены на военномъ подожеліи и подчинены

также главному начальству Дибича. Войска, предназначенныя въ дѣйствующую армію, должны были къ 15-му января собраться на польской границѣ, между Брестомъ и Гродною, при чемъ отрядъ Цесаревича Константина присоединенъ къ 6-му пѣхотному, бывшему литовскому, корпусу.

Межь тѣмъ, въ ожиданіи движенія въ Польшу, нашъ полкъ, готовился къ боевой дѣятельности. 12-го января мы отдѣлили отъ себя резервный эскадронъ, ¹⁾ который ушелъ на стоянку въ мѣстечко Тимковичи, Минской губерніи. Полковымъ командирамъ для предстоящаго похода велѣно было озаботиться, чтобы люди имѣли шерстяные носки, теплыя перчатки, широкіе и просторныя сапоги, и чтобы стремена обертывали до половины сукномъ ²⁾; на руки каждому всаднику выданъ былъ въ саквы шестидневный запасъ овса и трехдневная порція сухарей, а также по комплекту боевыхъ патроновъ; нижнимъ чинамъ предложено щипать корпию изъ начисто-вымытыхъ тряпокъ стараго ихъ бѣлья и доставлять ее въ штабъ, къ лекарю Држевицкому ³⁾; а наканунѣ выступленія запасъ этой корпии вмѣстѣ съ бинтами былъ розданъ въ эскадроны ⁴⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на все время похода и военныхъ дѣйствій, къ полку уже заблаговременно пристроился брестскій еврей Файвель Юселиевичъ Литванъ въ качествѣ непремѣннаго маркитанта ⁵⁾.

Стоянка въ Свислочи, гдѣ полкъ прожилъ около мѣсяца, была не дурна. Мелкая шляхта, преимущественно населяющая это мѣстечко, втайнѣ хотя и сочувствовала возстанію, но людей кормила исправно и, въ виду военнаго положенія, никакихъ «легаль-

¹⁾ Въ составъ 7 оберъ и 73 унтеръ-офицеровъ, 6 трубачей, 163 рядовыхъ, 11 нестроевыхъ и 38 строевыхъ лошадей, какъ видно изъ рапорта полка г.-м. Веймарну отъ 22-го октября 1831 г. за № 329. (Полк. арх. журн. исх. бум. 1831 г.)

²⁾ Приказъ по полку отъ 17-го января 1831 г. § 3.

³⁾ Приказъ по полку отъ 18-го января 1831 г. § 3, 4, 6, 7.

⁴⁾ Приказъ по полку отъ 19-го Янв. 1831 г. § 3.

⁵⁾ Журн. исх. бум. отъ 20-го октября 1831 г. № 317.

ныхъ» крючковъ или каверзъ дѣлать не осмѣливалась ¹⁾. Графъ Дибичъ, готовясь перейти границу, дважды подтверждалъ всѣмъ своимъ войскамъ, что вступивъ въ предѣлы Царства Польскаго, они прежде всего должны стараться не подать мирнымъ жителямъ ни малѣйшихъ причинъ къ неудовольствію и не требовать ничего посредствомъ реквизицій, а покупать припасы и все что понадобится только на наличныя деньги; въ противномъ же случаѣ, какъ виновные, такъ и ихъ непосредственные начальники, до полковаго командира включительно, должны были подвергнуться всей строгости военно-полевыхъ законовъ ²⁾. Межъ тѣмъ, продолжительное бездѣйствіе начинало уже сильно тяготить и людей, и начальниковъ, тѣмъ болѣе, что изъ-за Буга ежедневно приходили вѣсти объ успѣхахъ возстанія, объ увеличеніи притязательности поляковъ, о ихъ кичливыхъ угрозахъ и намѣреніяхъ противъ Русскаго Государства. Все это заставляло желать какъ можно скорѣе похода и открытія военныхъ дѣйствій; желаніе это выражалось особенно сильно и нетерпѣливо въ нашемъ отрядѣ, который былъ свидѣтелемъ событіи ночи св. Сантурина и, скрѣпя сердце, вынесъ тяжкое отступленіе въ Россію. Этому отряду въ особенности хотѣлось перевѣдаться и посчитаться съ врагомъ въ чистомъ полѣ. И вотъ, наконецъ, офицеры и люди нашего полка съ радостью прочли полковой приказъ отъ 20-го января, гдѣ говорилось, что «завтрашняго числа полкъ выступаетъ въ походъ, и потому эскадроны имѣютъ собраться въ полковой штабъ, въ м. Свпслочь, къ 10-ти часамъ утра непременно и имѣть во фронтѣ самовѣрнѣйшій расчетъ съ права по три, изъ середины по четыре и вообще всѣхъ ломокъ фронта»³⁾. Вмѣстѣ съ этимъ секретно объ-

¹⁾ Изъ разсказовъ В. Д. Лобанова.

²⁾ Приказъ гр. Дибича по дѣйств. арміи отъ 2-го янв. 1831 г. за № 4 и отъ 16-го янв. того же г. за № 203. Приказы въ гвардейскія войска, возвратившіяся изъ Варшавы, отъ 6-го янв. 1831 г. за № 1 и отъ 18-го янв. того же года, за № 6. (Полк. арх. журн. вх. б. 1831 г. кн. № 393 ч. I.)

³⁾ Приказъ по полку отъ 20-го янв. 1831 г. § 2.

являлся и трехдневный маршрутъ отъ Свислочи чрезъ Яловку и Гродекъ до Бѣлостока ¹⁾. И такъ, 21-го января полкъ покинулъ свою свислочьскую стоянку. Числительная сила его при этомъ была: генералъ 1, штабъ-офицеровъ 3, оберъ-офицеровъ 33, унтеръ-офицеровъ 36, трубачей 32, рядовыхъ 604, строевыхъ лошадей 616 ²⁾.

Со всеѣхъ сторонъ стягивались колонны русскихъ войскъ, зимнія дороги были покрыты ими: кавалерія, пѣхота, артиллерія съ сѣвера и съ юга тянулись темными лентами по снѣжнымъ полямъ. Не смотря на сильные морозы, войска шли бодро на встрѣчу битвамъ. Изъ прежнихъ своихъ войнъ съ Польшею они не вынесли блистательнаго мѣнїя о непрїятелѣ и, приводя въ примѣръ французовъ, какъ достойныхъ противниковъ, солдаты говорили, что «поляки пойдутъ намъ только на закуску» ³⁾.

А въ это время вся Варшава беззаботно предавалась наслажденїямъ минуты. Обычныя увеселенїя продолжались какъ и въ мирное время: редуты, кофейные дома и театры посѣщались болѣе чѣмъ когда-либо. На сценѣ малѣйшїй намекъ на современные событїя принимался съ шумомъ и одобрительными криками; махали знаменами, на которыхъ нестрѣли гербы отпавшихъ провинцій; устраняли аллегорическіе транспаранты и картины; патріотическія пѣсни пѣлись актерами и повторялись хоромъ изъ ложъ и партера. Одушевленїе обыкновенно доходило до такой степени, что зрители, видѣ себя, со всеѣхъ сторонъ брали приступомъ сцену и сами принимались исполнять національные танцы вмѣстѣ съ актрисами и танцовщицами; тутъ можно было видѣть студентовъ и офицеровъ, клубистовъ и депутатовъ, даже сенаторовъ, смѣшавшихся съ актерами и кружащихся безъ разбора. Два мѣсяца незамѣтно пролетѣло съ начала возстанїя;

¹⁾ Журн. вх. б. 1831 г. № 97 и 98.

²⁾ В. Матвѣевъ, стр. 22 и 23.

³⁾ Ф. Смитъ, ч. I стр. 307.

партія умѣренныхъ была теперь уже окончательно побѣждена, Хлопицкій удаленъ отъ диктаторства, отстраненіе Императорской династіи отъ польскаго престола было высказано на сеймѣ; революціонеры крайняго отгѣнка взяли перевѣсъ вездѣ и во всемъ; камеры продолжали спорить съ клубами о различныхъ предметахъ: то о цвѣтѣ кокардъ, то о теоріяхъ различныхъ формъ правленія,—какъ вдругъ, среди этихъ веселостей, танцевъ, революціонныхъ рѣшеній и споровъ, подобно громовому удару, пронеслась вѣсть, что «русскіе перешли границы Царства».

Уланы Цесаревича, въ числѣ резервовъ, слѣдовавшихъ за 6-мъ корпусомъ, совершили свой переходъ чрезъ рубежъ 25-го января, у Суража и, подъ главнымъ начальствомъ своего Августѣйшаго Шефа, въ прежнемъ составѣ гвардейскаго варшавскаго отряда, слѣдовали далѣе, по направленію къ Острову. Въ это время Великій Князь приказалъ ежедневно назначать въ конвой къ своей особѣ одинъ взводъ съ офицеромъ, по очереди отъ полковъ Гродненскаго гусарскаго и нашего ¹⁾).

Столь ранній переходъ границы былъ для поляковъ совершенно неожиданностію. Стратегики ихъ генеральнаго штаба, Хрипановскій и Прондзинскій, основывали все свои планы на предположеніи, что русская армія никакъ не начнетъ наступленія прежде весны, и тогда вскрывшіяся рѣки облегчатъ полякамъ оборону. А тутъ вдругъ массы русскихъ войскъ идутъ среди зимы, сокращая свои переходы по замерзшимъ и потому удобопроходимымъ рѣкамъ и болотамъ,—и планы польскихъ стратегиковъ рушатся сами собою. Въ виду этого неожиданнаго наступленія, на военномъ совѣтѣ польскихъ генераловъ было рѣшено немедленно отступить къ Варшавѣ, и здѣсь, подъ стѣна-

¹⁾ Предписаніе въ полкъ г.-м. Кнорринга 2-го, отъ 28 янв. 1831 г. за № 67, во исполненіе предписанія г.-м. Герштедцевица отъ того же числа и года, за № 743. Приказъ по полку отъ 28-го янв. § 4.

ми своей столицы, принять рѣшительное сраженіе въ заранѣ избранной позиціи при Гроховѣ. Силы польской арміи въ моментъ возстанія простирались до 35,000 чѣловѣкъ. Въ первые же дни революціи былъ объявленъ призывъ ста тысячъ подвижнаго ополченія, долженствовавшихъ образовать сто баталіоновъ и столько же эскадроновъ. Всѣ уволенные отъ службы солдаты вызваны были въ депо своихъ полковъ и, при своемъ восьмилѣтнемъ срокѣ службы, составили сильный резервъ старослуживыхъ людей, изъ коихъ сформировался 3-и и 4-е баталіоны, равно какъ 3-е и 6-е эскадроны для всѣхъ наличныхъ полковъ, черезъ что количество регулярныхъ войскъ почти удвоилось. Сборъ старослуживыхъ шелъ весьма быстро, и ранѣе трехъ недѣль они уже стали въ ряды, вооружась ружьями, найденными въ арсеналѣ. Въ то же время былъ предписанъ особый новый наборъ по одному конному солдату съ каждыхъ 30-ти дымовъ, что давало еще 10,000 кавалеріи. Духъ польскихъ войскъ отличался восторженностію въ высшей степени; въ средѣ ихъ постоянно царилъ полная увѣренность въ побѣдѣ, но дисциплина была въ полномъ упадкѣ. Молодые прапорщики и подпоручики—главные виновники революціи—хотѣли и управлять ею, и дѣйствительно управляли всѣмъ по своему произволу. Всякій старшій офицеръ, предлагавшій какую нибудь болѣе благоразумную мѣру, становился для нихъ уже подозрительнымъ, и даже старшіе генералы, за весьма немногими исключеніями, должны были считать себя счастливыми, если ихъ прямо не называли измѣнниками. Почти каждый изъ нихъ былъ окруженъ молодыми людьми изъ студентовъ, которые взяли на себя обязанность наблюдать за всѣми дѣйствіями военачальниковъ и поражать ихъ книжками, въ случаѣ измѣны. Желѣзная рука диктатора нѣкоторое время поддерживала еще порядокъ, но съ удаленіемъ его общій хаосъ увеличивался все болѣе и болѣе.

Баронъ Розенъ съ 6-мъ корпусомъ двигался черезъ Суражъ и Понтковъ на Высокомазовецкъ и Чижово; за нимъ слѣдовала

главная квартира и резервы подъ начальствомъ Цесаревича. Болѣе ста тысячъ русскихъ войскъ съ 320-ю орудіями двигались впередъ по землѣ Царства Польскаго. Перейдя рубежъ, всѣ ожидали тотчасъ же наткнуться на непріятеля и встрѣтить серіозное сопротивленіе; но къ общему удивленію, границы оказались совершенно открытыми и беззащитными. Поселяне повсюду встрѣчали насъ хотя и съ боязливымъ опасеніемъ, но довольно дружелюбно. Народъ изъ селъ и деревень выходилъ къ намъ на встрѣчу съ хлѣбомъ-солью и съ бѣлыми знаменами; даже духовенство во многихъ мѣстахъ встрѣчало русскія войска съ хоругвями и крестами. Обыватели, у которыхъ отбиралось только оружіе, безъ всякаго принужденія оставляли свои бѣлыя революціонныя кокарды, и русскій гербъ повсюду снова былъ возстановляемъ. Въ виду этой покорности жителей, революціонное правительство обнародовало декретъ, въ которомъ всѣ дѣйствія, противныя интересамъ возстанія, объявлялись государственною измѣною и за нихъ назначалась смертная казнь, а въ заключеніе высказано было, что единственная цѣль войны—равно какъ и необходимое условіе мира, есть «возстановленіе всего прежняго Королевства Польскаго». Этими словами обнаружилась для русскихъ дѣйствительная причина и цѣль возстанія ¹⁾. Но объявляя полякамъ смертную казнь за всякое покушеніе на измѣну, революціонеры въ то же время старались всѣми силами возбудить мятежъ и измѣну между русскими войсками. Они разсѣвали на пути нашего слѣдованія свои прокламаціи, которыя однако не производили желаемаго дѣйствія, и выдумали наконецъ выставять въ виду нашихъ аванпостовъ бѣлыя знамена съ русскою и польскою надписью «за свободу вашу и нашу». Но и это средство не достигло цѣли. Солдаты наши вначалѣ удивлялись, что знамена, которыя въ прежнихъ войнахъ они привыкли пріобрѣтать у непріятеля только цѣною

¹⁾ Ф. Смитъ, ч. I стр. 335.

крови и большихъ потерь, теперь такъ легко имъ достаются, а на надписи не обращали ни малѣйшаго вниманія. Впослѣдствіи имъ даже не велѣли и трудиться забирать эти «строфы», а полякамъ было объявлено, что русскимъ форпостамъ приказано стрѣлять по воздвигателямъ мятежныхъ знаковъ ¹⁾).

Мы дошли уже до Острова, когда фельдмаршалъ рѣшилъ перевести армію на лѣвый берегъ Буга, гдѣ мѣстность представляла болѣе удобствъ для военныхъ дѣйствій, съ тѣмъ чтобы тотчасъ же по совершеніи этого фланговаго движенія влѣво, ударить всѣми силами на правое крыло неприятеля. Причиною такого рѣшенія была оттепель, которая началась еще въ день наступленія изъ Бѣлостока, и съ тѣхъ поръ, съ каждымъ сутками все усиливалась, такъ что къ 27-му января весь снѣгъ растаялъ, рѣки вскрылись, поля и дороги были залиты водою. Планъ фельдмаршала былъ сдѣланъ въ расчетѣ именно на зиму и потому удобнѣе исполнимъ только въ зимнее время. Счастіе, по видимому, начинало улыбаться расчетамъ польскихъ стратегиковъ. Пришлось намъ поварачивать налѣво и идти форсированными маршами, дѣлая чуть не сорока-пяти верстные переходы по сквернѣйшимъ дорогамъ, что чрезвычайно изнуряло людей, и если ужъ пѣхотинцы, высоко подобравъ свои шинели, шли почти все время по колѣно въ какой-то грязной кашницѣ, либо въ водѣ, то каково было несчастнымъ лошадямъ въ кавалеріи! Обозъ еле тащился. Въ особенности утомительны были переходы 29-го и 30-го января, да и въ послѣдующіе дни не лучше. 31-го числа нашъ полкъ перешелъ обратно черезъ Бугъ у мѣстечка Брока. Ледъ уже былъ очень тонокъ, а у береговъ совершенно покрытъ водою. Переходъ совершился безирепятственно, потому что поляки не ожидали насъ на семь пунктѣ. Послѣ переправы, уланы Цесаревича, вмѣстѣ съ резервомъ слѣдовали къ Венгрову. Не имѣя никакихъ извѣстій о неприятелѣ и ожидая

¹⁾ Ibid. стр. 336 и рассказы М. К. Максимовича и В. Д. Лобанова.

встрѣтить его на семь берегу Буга, войска соблюдали величайшую осторожность, какъ при переправѣ, такъ и въ дальнѣйшемъ слѣдованіи. Все пространство между Бугомъ и Венгровымъ имѣло видъ трясины, которая колебалась и проваливалась подъ ногами. Обремененные походнымъ выюкомъ, люди наши съ величайшимъ трудомъ пробирались по непроходимой грязи, артиллерія же съ немовѣрными усиліями подвигалась шагъ за шагомъ. Войска не только заслужили отдыхъ, но и имѣли въ немъ настоятельнѣйшую нужду, тѣмъ болѣе, что подобное начало кампаніи мрачно вліяло на настроеніе духа. 2-го февраля, около полудня, войска Цесаревича прибыли въ городъ Седльце, и нашъ полкъ расположился на дорогѣ, ведущей въ Калушину.

Отдохнувъ здѣсь двое съ половиною сутокъ, полкъ нашъ, въ составѣ резервовъ, двинулся 5-го февраля по брестской дорогѣ къ Калушину и потомъ черезъ Минскъ къ Грохову. Въ это время общая обстановка приняла уже совершенно воинственный характеръ: и днемъ, и ночью до насъ доносилась издалека раскаты пушечныхъ выстрѣловъ. Варшава была уже не далеко и, казалось, все предвѣщало близкое рѣшеніе вопроса. 5-е февраля было назначено днемъ общаго наступленія, такъ какъ обозы успѣли уже соединиться съ арміей и войска были обезпечены десятидневнымъ продовольствіемъ.

Поляки, безпрестанно имѣя жаркія схватки и дѣла съ нашими авангардами, отступали къ Варшавѣ, и 6-го (18-го) февраля, послѣ ночнаго перехода, вся польская армія къ семи часамъ утра соединилась у Грохова.

8-го февраля русскія силы уже занимали позицію, въ разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ поляковъ, большимъ полукружіемъ отъ корчмы Вавръ до селенія Кавенчина, на опушкѣ лѣса, гдѣ мѣстность понижается къ сторонѣ открытаго поля. Правый флангъ расположился на высотахъ у Кавенчина, лѣвый передъ Выгодой, центръ противъ ольховой рощи, которая представ-

ляла собою ключъ всей позиціи противника. Нашъ полкъ, въ составѣ гвардейскаго отряда, вмѣстѣ съ 3-ею кирасирскою дивизіей оставался на позиціи у Милосны, гдѣ была и главная квартира.

Генеральное сраженіе предполагалось дать на 14-е февраля, но случайно оно произошло днемъ раньше. На разсвѣтѣ 13-го числа фельдмаршалъ отправился изъ Милосны къ Вавру. Увѣренный, что этотъ день ознаменуется какими-нибудь важными событіями, онъ объѣхалъ верхомъ ряды войскъ, встрѣчавшихъ его радостными криками, и приказалъ повсюду служить молебень, чтобы люди достойно могли приготовиться къ столь важной и рѣшительной минутѣ. Дивизіи построились въ большія каре и въ торжественной тишинѣ внимали священнымъ напѣвамъ. Едва успѣло начаться богослуженіе, какъ стали вдругъ слышаться отдаленные пушечные выстрѣлы, слѣдовавшіе безостановочно одинъ за другимъ. «Непріятель атакуетъ князя Шаховскаго», какъ молнія промелькнуло въ умахъ. О князѣ, который шелъ со своимъ гренадерскимъ корпусомъ чрезъ Августовское воеводство, на соединеніе съ главною арміей, уже нѣсколько дней не было никакихъ извѣстій. Теперь же, услышавъ громъ этихъ выстрѣловъ, фельдмаршалъ былъ видимо озабоченъ и созвалъ къ себѣ генераловъ, чтобы дать имъ новыя инструкціи. Для спасенія Шаховскаго не оставалось ничего, какъ только тотчасъ же начать сраженіе. Вслѣдствіе такого рѣшенія, тутъ же, на мѣстѣ, были отданы надлежащія приказанія: по всѣмъ направленіямъ поскакали адъютанты и ординарцы, войска стали въ ружье и заняли мѣста, назначенныя имъ для боя, за тѣмъ взвился первый клубъ бѣлаго дыма, грянуло орудіе, другое, третье—непріятель отвѣтилъ тѣмъ же—завязалась канонада, и началась великая битва. . . .

Поляки никакъ не ожидали въ этотъ день сраженія. Всѣ выгоды заранѣе избранной позиціи были на ихъ сторонѣ. Не только Варшава и Польша, но и вся Европа устремляла на нихъ

сочувственные взоры и ожидала въ какой мѣрѣ они выполнять свои обѣщанія побѣдить или умереть на мѣстѣ. И дѣйствительно, для нихъ эта битва составляла вопросъ «быть или не быть», для русскихъ же она была дѣломъ чести и крайней необходимости подавить возмущеніе, которое грозило неисчислимыми послѣдствіями. Обѣ стороны твердо рѣшились не уступать; поэтому все обѣщало, что сраженіе будетъ однимъ изъ самыхъ отчаянныхъ. Брестъ-литовское шоссе представляло собою главную операціонную линію русскихъ, которые имѣли на немъ большія массы войскъ, лишенные возможности продвинуться впередъ, пока ольховая роща, лежащая на флангѣ шоссе, находилась въ рукахъ поляковъ. Поэтому роща сдѣлалась первымъ предметомъ дѣйствій и на нее направились всѣ усилія 6-го корпуса. Резервамъ приказано было спѣшить изъ Милосны къ арміи и расположиться позади барона Розена, къ которому отправился и самъ фельдмаршалъ.

Въ десятомъ часу канонада по всей линіи становилась все сильнѣй и оживленнѣе. Высоко поднимавшіяся облака дыма носились въ воздухѣ, и всевозможные снаряды съ шипѣньемъ разрѣзали его во всѣхъ направленіяхъ, когда наши уланы на полныхъ рысяхъ прибыли къ мѣсту боя. Мы видѣли, какъ подъ градомъ ядеръ и картечи, колонны 6-го корпуса храбро шли въ атаку на ольховую рощу. Зная, что на нихъ, состоявшихъ на половину изъ русскихъ, на половину изъ литвиновъ и вообще уроженцевъ западнаго края, не вполне полагается высшее начальство, они хотѣли именно въ эту минуту выказать себя достойными полного довѣрія, какъ великорусскихъ соратниковъ своихъ, такъ и фельдмаршала.

Влѣво отъ холма, на которомъ находился со свитою Дибичъ, у выхода изъ большаго лѣса, расположилась 3-я кпрасирская дивизія съ двумя уланскими полками: нашимъ и Украинскимъ; еще далѣе влѣво, у окупѣвской дороги, сталъ гвардейскій отрядъ Цесаревича. Проходя мимо холма, мы ясно видѣли

своеобразную фигуру фельдмаршала на лошади. Черты его были холодны, серьезны и спокойны,—ничто не пзобличало что происходитъ въ душѣ его.

Время близилось уже къ полудню. Ольховая роща переходила пзъ рукъ въ руки. Тамъ уже лежали груды раненыхъ и убитыхъ, и надъ ними кишѣлъ жаркій стрѣлковый и рукопашный бой, то угасая на время отъ обоюднаго изнуренія силъ, то опять возгораясь съ новымъ ожесточеніемъ. Наконецъ поляки напрягли самыя отчаянныя усилія. Самъ Хлопицкій, безъ сабли, съ короткою трубкой въ зубахъ, пѣшкомъ ведетъ въ рощу новые баталіоны,—утомленные наши солдаты еще разъ уступаютъ этому натиску и теряютъ рощу. Поляки начинаютъ уже массами выходить изъ опушки и выстраиваются впереди. Ихъ одушевленіе, храбрость и натискъ кажутся непреоборимыми.

Замѣтя внезапную перемену въ ходѣ сраженія, когда атакующіе сдѣлались вдругъ атакованными, фельдмаршалъ убѣдился, что настала рѣшительная минута. Быстро сдѣлавъ надлежащія распоряженія, далъ онъ шпоры коню и помчался въ самый развалъ битвы.

— «Куда вы, рябята? Вѣдь непріятель тамъ! Впередъ, впередъ!» кричалъ онъ отступающимъ баталіонамъ и, ставъ во главѣ ихъ, лично повелъ атаку. Примѣръ и самоотверженіе главнаго вождя подѣйствовали: изумленные, обрадованные и ободренные присутствіемъ главнокомандующаго, войска, съ крикомъ «ура!» опять идутъ на непріятеля. Съ барабаннымъ боемъ, со склоненными впередъ штыками, безъ выстрѣла врываються они въ рощу и, не замѣчая жесточайшаго огня, по грудамъ тѣлъ выбиваютъ изъ нея противника. Какъ градъ сыпался на нихъ пули, не умолкая свистала картечь и вся земля была изрыта гранатами. Ни одного неповрежденнаго деревца не осталось въ рощѣ. Болѣе восьми тысячъ убитыхъ и раненыхъ, лежавшихъ на тѣсномъ пространствѣ, показывали ожесточеніе съ которымъ дрались обѣ стороны. Великій Князь, съ возвы-

шенія у лѣса, въ грустномъ безмолвіи глядѣлъ на эту отчаянную борьбу.

Уже былъ третій часъ въ началѣ, когда успѣхъ боя, съ нимъ послѣднимъ занятіемъ роши, сталъ клониться на нашу сторону.

Первый періодъ сраженія кончился: прологъ къ побѣдѣ былъ исполненъ, оставалось разыграть второй актъ кровавой драмы, къ которому графъ Толь устремился со всею своею энергіей, не развлекаясь никакими побочными обстоятельствами. Теперь должно было начаться общее наступленіе всей русской линіи.

Конныя батареи съ кавалеріей должны были двигаться впереди, съ тѣмъ, чтобы первыя разгромили, а вторая разсѣяла отступающаго непріятели; позади, для довершенія побѣды штурмомъ пражскихъ укрѣпленій, слѣдовала пѣхота. Главное условіе успѣха заключалось теперь въ одновременности движенія различныхъ частей, составившихъ первую линію. Кирасиры 3-й дивизіи вмѣстѣ съ нашимъ полкомъ должны были наступать нѣсколько правѣе ольховой роши.

Поляки, устроенные вновь своими генералами, отступили въ довольно изрядномъ порядкѣ и, пользуясь всеми мѣстными препятствами, домами, окопами и рвами, заняли вторую позицію позади Грохова.

Графъ Толь съ нетерпѣніемъ ожидалъ минуты, когда можно будетъ устремить всю массу кавалеріи на непріятельскую пѣхоту и, пользуясь ея замѣшательствомъ, нанести противнику окончательное пораженіе. Планъ задуманъ былъ хорошо и смѣло; но пересѣченная мѣстность, препятствовала его счастливому выполненію. Гроховскія поля всегда отличались топкостью, и потому, въ видахъ осушенія, были изрѣзаны частыми рвами и глубокими канавами, изъ которыхъ нныя достигали въ ширину до трехъ сажень и болѣе. Эти препятствія затрудняли движеніе и причиняли значительную потерю времени. Для того чтобы провести кирасиръ черезъ канаву, саперы должны были предварительно настлать мостикъ, по которому наша кавалерія

лерія переходила въ глубокихъ колоннахъ справа-по-три и принуждена была развѣртываться по ту сторону дефиле подъ огнемъ непріятеля. По мѣрѣ прибытія полковъ, графъ Толь выстраивалъ ихъ въ боевой порядокъ. Впереди стали 24 орудія конной артиллеріи, подъ начальствомъ генерала Герштенцвейга. Въ ста шагахъ за ними, лѣвѣе—нашъ полкъ, а правѣе—зеленые кирасиры Принца Альберта Пруссакаго; оба полка въ дивизионныхъ колоннахъ. Во второй линіи, за нашимъ полкомъ, расположились Стародубовскіи кирасирскіи; за зелеными кирасирами—Новгородскіи кирасирскіи и, наконецъ, за симъ послѣднимъ, въ третьей линіи, сталъ кирасирскіи Военнаго Ордена полкъ. Непріятельскія батареи громилы нашъ фронтъ гранатами и ядрами. Въ 4-мъ эскадронѣ рядовому Пантелеймонову снесло ядромъ голову, но туловище его осталось неподвижно и продолжало прямо сидѣть на лошади. Видъ этого «всадника безъ головы» наводилъ на людей паническіи ужасъ. Замѣтивъ такое впечатленіе, полковникъ Матвѣевъ подѣхалъ къ нему и, чтобы свалить трупъ, перерубилъ саблею путлице ¹⁾. Рядовому 1-го взвода того же эскадрона, Крунскому срѣзало ядромъ верхъ шапки, не причинивъ ему ни малѣйшей контузіи; тулья и чешуи остались на головѣ ²⁾. Въ это же время былъ сильно контуженъ въ затылокъ корнетъ Добровольскіи, командовавшій въ 4-мъ эскадронѣ 2-мъ взводомъ. Мѣсто его заступилъ корнетъ Лагода. Потерпѣло и еще нѣсколько человѣкъ. Генералъ Герштенцвейгъ, видя, что уланы несутъ напрасныя потери отъ артиллерійскаго огня, подскакалъ къ генералу Маркову и посоветовалъ ему подать полкъ на нѣкоторое разстояніе назадъ, и

¹⁾ Разсказъ В. Д. Лобанова.

²⁾ Его же. Замѣчательно, что подобный же случай, и тоже безъ малѣйшей контузіи, имѣлъ мѣсто въ 3-мъ эскадронѣ Ямбургскаго уланскаго полка, при штурмѣ Варшавы, когда рядовому Семѣну Еремѣеву, въ присутствіи гр. Паскевича, пробило ядромъ верхъ шапки, оставивъ въ ней спереди и сзади правильно-круглую дыру. («Исторія Ямб. п.» стр. 468.)

когда это было сдѣлано, то снаряды противника стали бить нашихъ лошадей, людямъ же не причиняли болѣе вреда.

Кирасирамъ принца Альберта и нашему полку велѣно было произвести главную атаку. Предъ началомъ ея, графъ Толь созвалъ къ себѣ всѣхъ бригадныхъ и полковыхъ командировъ и указалъ пункты, куда каждый изъ нихъ долженъ былъ направиться. Планъ состоялъ въ томъ, чтобы ударить на лѣвый флангъ противника и отбросить его въ Гославскія болота, прикрывавшія правое крыло поляковъ. Вторая линія должна была дѣятельно поддерживать первую. Графъ Толь заявилъ, что общій сигналъ къ атакѣ будетъ поданъ движеніемъ впередъ нашего полка, который онъ самъ поведетъ на противника. За симъ начальники частей возвратились къ своимъ полкамъ и бригадамъ.

Наступалъ самый рѣшительный и вмѣстѣ блистательнѣйшій для русскихъ моментъ этой битвы. По настоящему, время для атаки было уже потеряно, благодаря канавамъ, затруднявшимъ слѣдованіе кавалеріи. Важно было ударить на отступавшихъ поляковъ, когда они еще находились въ движеніи ко второй своей позиціи, а не тогда, когда уже они ее заняли. Тѣмъ не менѣе, надо было чѣмъ нибудь рѣшительнымъ кончить день кровопролитнѣйшаго боя. Графъ Толь рассчитывалъ на предварительную подготовку атаки огнемъ нашей конной артиллеріи; межъ тѣмъ баронъ Мейендорфъ, командиръ кирасирскаго Принца Альберта полка, съ рѣшительною наружностію соединившій геройское мужество, видя, что польская батарея сильно поражаетъ его полкъ, обратился къ начальнику своей дивизіи за разрѣшеніемъ немедленно же захватить ее. Разрѣшеніе дано, и Мейендорфъ, ставъ впереди полка, какъ буря несется съ нимъ въ атаку, не выждавъ условнаго сигнала.

Графъ Толь, хотя и недовольный этою поспѣшностію, тѣмъ не менѣе приказываетъ Герштенцвейгу съ его конными батареями тотчасъ двигаться впередъ рысью, а самъ тоже начинаетъ

*

движеніе съ нашимъ полкомъ, чтобы быть на одной высотѣ съ Мейендорфомъ. Подъ картечнымъ огнемъ нашъ полкъ перешелъ другую канаву, и тутъ 1-й дивизионъ, успѣвшій по тонкому, проламывавшемуся льду, перейти еще одинъ, новый ровъ, бросился въ карьеръ на три каре 1-го Егерскаго (бывшаго Его Величества) полка, расположенныя уступами на равнинѣ, среди кустарниковъ. Полковникъ Витте, со 2-мъ эскадрономъ, врубившись въ лѣвое (если глядѣть отъ насъ) каре, поднять былъ штыками съ лошади; корнетъ Книпиюлеръ убитъ на повалѣ предъ самымъ переднимъ фасомъ; командиръ лейбъ-эскадрона ротмистръ баронъ Притвицъ, еще ранѣе раненый картечью въ лѣвый локоть, первымъ врѣзался въ середину каре праваго, и прорвалъ его насквозь, чрезъ передній и задній фасы. При этомъ, уже внутри каре, былъ онъ вторично раненъ въ лѣвую руку—пулею. Корнетъ графъ Девертонъ-де-Вернонь, подъ которымъ была застрѣлена лошадь, тутъ же почти смертельно хваченъ картечью въ голову. Потерпѣли не мало и нижніе чины,—за то непріятель былъ смятъ и разсѣянъ.

2-му дивизиону, подъ начальствомъ полковника князя Воронцова, посчастливилось менѣе. Ему довелось вести атаку нѣсколько лѣвѣе, на непріятельскую батарею, которая молча выжидала своего противника. 4-й эскадронъ, въ ожиданіи разсыпной атаки, приближался къ ней крупною рысью, какъ вдругъ между нимъ и батареей легла незамѣченная ранѣе канавка, болѣе двадцати футовъ въ ширину, затянутаяся ледяной корою. Уланы разсчитывали перейти ее, подобно 1-му дивизиону, но слабый ледъ не выдержалъ напора столькихъ копытъ и съ трескомъ провалился подъ первую шеренгой. Произошла нѣкоторая остановка и замѣшательство. Въ этотъ мигъ, выжидавшая батарея грянула въ эскадронъ залпомъ картечи. Много людей и лошадей было ранено и перебито. Унтеръ-офицеру Кирѣеву; который ѣздилъ въ замкѣ 12-мъ номеромъ, оторвало голову. Ротмистръ баронъ Розенъ, вывелъ людей изъ предатель-

ской канавы, пытался было перейти ее снова, но князь Воронцовъ, предвидя, что попытка эта въ данномъ мѣстѣ останется тщетною, повернулъ дивизионъ направо и, подъ огнемъ непріятельскихъ стрѣлковъ, скрытыхъ на другой сторонѣ, повелъ его отыскивать болѣе удобный путь для наступленія ¹⁾.

Графъ Толь, недовольный тѣмъ, что остальные кирасирскіе полки не поддержали отчаянную атаку Мейендорфа, приказалъ имъ немедленно продолжать движеніе, а самъ, собравъ нашъ полкъ, повелъ его рысью впередъ, къ пражскимъ укрѣпленіямъ. Но было уже поздно. На правомъ флангѣ непріятеля замѣтили мы какое-то необыкновенное движеніе и вслѣдъ за симъ показала небольшая горсть зеленыхъ кирасиръ, за которою въ разбродъ слѣдовали еще нѣсколько кучекъ: это былъ Мейендорфъ, съ остатками своего храбраго полка, пробившійся назадъ чрезъ всѣ непріятельскія линіи. Впечатленіе его атаки на обѣ противныя стороны было такъ велико, что артиллерійскій огонь на нѣкоторое время совершенно прекратился, и взоры всѣхъ, какъ поляковъ, такъ и русскихъ, единодушно устремились на отважныхъ всадниковъ. Когда они вернулись, уничтоженные болѣе чѣмъ на половину, все стѣснилось кругомъ ихъ; графъ Толь обнялъ Мейендорфа и благодарилъ его; со всѣхъ сторонъ раздавались похвалы ему и его храбымъ сподвижникамъ ²⁾.

Вся линія русскихъ войскъ была уже въ полномъ наступленіи; корпуса: 1-й и 6-й пѣхотные проходили чрезъ Гроховъ. Впереди—конныя батареи, подъ прикрытіемъ кавалеріи, слѣдовали за непріятелемъ на разстояніи ближняго выстрѣла и громили сосредоточеннымъ огнемъ его ряды, толпившіеся вокругъ Праги. Правое крыло поляковъ было совершенно разстроено, центръ истощенъ и на половину уничтоженъ. Генералъ Марковъ, во время этого наступленія, позволилъ нѣсколькимъ удалъ-

¹⁾ Разказы барона А. Ф. Розена и Лобанова.

²⁾ Ф. Смитъ ч. I, стр. 423.

цямъ выѣхать на фланкировку. Графъ Толь, шедшій съ нашимъ полкомъ, подойдя къ самой Прагѣ, готовился овладѣть ея укрѣпленіями, какъ вдругъ прискалалъ ординарецъ и доложилъ ему, что фельдмаршалъ немедленно требуетъ его къ себѣ. Сдавъ начальство графу Витту, Толь съ большимъ неудовольствіемъ и въ крайней досадѣ поѣхалъ къ Дибичу, котораго отыскалъ гдѣ-то около Кавенчина, съ совершенно измѣнившимися военными намѣреніями. Фельдмаршалъ велѣлъ прекратить дальнѣйшее преслѣдованіе: его смущала мысль, что ночной штурмъ поведетъ за собою тѣ же ужасающія сцены, какими нѣкогда сопровождался штурмъ Суворовскій. Онъ находилъ, что уже поздно, темно, что польская армія и безъ того уже на половину уничтожена и что на слѣдующее утро, по всей вѣроятности, будетъ предложена капитуляція ¹⁾). Такимъ образомъ, удобная минута миновалась безвозвратно и заставила фельдмаршала впоследствии горько раскаяваться въ томъ, что не послѣдовалъ благоразумному совѣту своего помощника.

Лейбъ-Гвардіи Уланскій Цесаревича полкъ въ этотъ день понесъ немалыя потери. Корнетъ Книпюлеръ, какъ сказано уже, убитъ; графъ Девертонъ-де-Вернонь умеръ къ слѣдующему утру ²⁾); ротмистръ Марковичъ, раненый картечью въ бедро, съ раздробленіемъ кости, скончался черезъ недѣлю; полковникъ Витте получилъ штыковыя раны, въ лѣвый бокъ и въ голову; спасла его отъ смерти толстая солдатская португеза, которою онъ опоясался, потерявъ свою собственную незадолго до

¹⁾ Ibid. стр. 427.

²⁾ Мать его графиня де-Вернонь обратилась впоследствии въ полкъ съ просьбою, чтобы ей были присланы на память о сынѣ его крестъ и что-нибудь изъ наиболѣе любимыхъ имъ вещей. Желаніе почтенной матери могло быть исполнено только на половину: къ кресту графа де-Вернонь не представляли, какъ умершаго чрезъ нѣсколько часовъ послѣ сраженія; вещи же его во время возмущенія были разграблены въ Варшавѣ, а нашлись при немъ только связка писемъ на русскомъ и французскомъ языкахъ, да коротенькая курительная трубка,—это и было выслано графинѣ (Журн. вход. б. 1831 г. отъ 12 Декабря № 447 и пех. бум. отъ 13 Декабря 1831 г. за № 459).

атаки ¹⁾; о ранѣ ротмистра барона Притвица уже сказано выше; поручикъ Мелисно довольно опасно раненъ пулею въ лѣвую руку, выше локтя; корнетъ баронъ Корфъ получилъ такую же рану, но съ раздробленіемъ кости, вслѣдствіе чего пришлось ему ампутировать руку около плеча; корнетъ Крашевскій получилъ двѣ огнестрѣльные раны въ лѣвую руку и въ грудь, послѣдняя въ особенности опасна. Ротмистръ Вейсъ 2-й, штабсъ-ротмистръ Чуйковъ, поручики: Сливницкій, Курсель и Кричинскій, корнеты: Добровольскій и Земенскій получили болѣе или менѣе опасныя контузіи, преимущественно въ грудь и въ лѣвыя руки и ноги. Это доставалось имъ, главнѣйшимъ образомъ, во время фланговаго движенія 2-го дивизіона вправо, мимо канавы, подъ картечью польской батареи и ружейнымъ огнемъ застрѣльщиковъ. Такимъ образомъ, не считая убитаго и двухъ скончавшихся отъ ранъ, пострадало у насъ 12 офицеровъ; нижнихъ же чиновъ выбыло изъ фронта убитыми 18, ранеными 70, изъ коихъ 30 человекъ опасно. Получившихъ легкія контузіи и оставшихся во фронтѣ мы уже не считаемъ; конская же убыль полка за этотъ день простиралась до 124 головъ ²⁾.

За Гроховскую битву, сверхъ наградъ офицерамъ, ³⁾ было пожаловано въ полкъ двадцать знаковъ отличія военнаго ордена, изъ коихъ двѣнадцать въ 1-й и восемь во 2-й дивизіоны.

¹⁾ Разсказъ барона А. О. Розена.

²⁾ Перечневая вѣдомость объ убыли полка въ день 13-го февраля 1831 г. на ходятся: а) въ приказѣ по полку отъ 27-го февраля 1831 г. § 3, б) въ журналѣ исходящихъ бумагъ того же года отъ 24-го февраля за № 134 и отъ 16-го марта за № 168. Тамъ же находится нижеслѣдующая вѣдомость вещамъ, утраченнымъ въ Гроховской битвѣ:

Сабель съ портунеями 60, штуцеровъ 10, пистолетовъ паръ 80, пикъ съ флюгерами 105, сабель съ приборомъ, мундштуками и чепраками 76, лядунокъ съ перевязями и гербами 94, шапокъ съ гербами и чешуями 117, котелковъ мѣдныхъ 42. Въ вѣдомости потерь русской арміи въ день 13-го февраля, приложенной къ сочиненію Ф. Смита (ч. I, табель Е) сказано, что изъ кавалерійскихъ полковъ—гвардейскіе уланы и кирасиры Принца Альберта понесли главную потерю.

³⁾ О коихъ см. Приложение № VIII.

День Гроховскаго боя навсегда остается для полка чтпмымъ и памятнымъ: съ того самаго времени, въ воспоминаніе славнаго участія нашихъ уланъ въ семь сраженіи, положено: въ день 13-го февраля быть полковому празднику Лейбъ-Гвардіи Уланскаго Его Высочества, а нынѣ Его Величества полка, при чемъ во время литургіи поминаются имена нашихъ со товарищей «на полѣ брани убіенныхъ и отъ ранъ скончавшихся» ¹⁾.

¹⁾ Его Императорскому Высочеству Великому Князю Михаилу Павловичу угодно было въ слѣдующіе годы удостоивать полкъ поздравленіями съ этимъ днемъ въ слѣдующихъ письмахъ, на имя полковаго командира, ген.-мр. Маркова:

«Иванъ Васильевичъ,

«Поручаю вамъ поздравить отъ меня всѣхъ чиновъ вѣрннаго вамъ полка съ днемъ полковаго праздника и съ днемъ, въ который они столько прославили себя въ минувшемъ 1831 году въ сраженіи при Гроховѣ. Объявите имъ при томъ мою полную увѣренность, что если случай приведетъ имъ снова сражаться съ непріятелемъ, то они, безъ сомнѣнія, окажутъ себя стольже храбрыми и мужественными, сколь отличились въ минувшую Польскую кампанію, и тѣмъ потщатся навсегда обратить на себя Всемилостивѣйшее вниманіе Государя Императора.

«Пребываю вамъ навсегда искренно доброжелательный,

«МИХАИЛЪ».

«№ 230. 13-го февраля 1834 г. въ С.-Петербургѣ».

«Иванъ Васильевичъ,

«Сегодня минуло уже четыре года отъ знаменитаго сраженія на поляхъ Гроховскихъ, гдѣ вѣрнный вамъ Лейбъ-Гвардіи Уланскій имени моего полкъ открылъ себя неувиданною славою.

«Всегда съ удовольствіемъ вспоминая сей день, я и нынѣ спѣшу поздравить ваше превосходительство съ полковымъ праздникомъ и поручаю вамъ поздравить отъ меня всѣхъ гг. штабъ и оберъ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ вѣрннаго вамъ полка.

«Оставаясь вполнѣ увѣреннымъ, что полкъ сей сохранитъ ту преданность престолу и отечеству и то усердіе къ службѣ, коимъ онъ постоянно отличался,

«Съ истиннымъ почтеніемъ пребываю вамъ искренно доброжелательный

«МИХАИЛЪ».

«№ 211. 13-го февраля 1835 г. въ С.-Петербургѣ».